

Изъ воспоминаній **Θ. М. Лазаревскаго** о **Шевченкѣ**.

По конфирмаціи Государя Императора, состоявшейся въ концѣ мая 1847 года, **Т. Г. Шевченко**, въ сопровожденіи фельдъегеря **Видлера**, отправленъ на почтовыхъ въ ссылку въ **Оренбургъ**, отстоящій отъ **Четербурга** на 2110 верстъ, и чрезъ 7 дней, въ 11 часовъ ночи, доставленъ на мѣсто назначенія, дѣлая по 300 верстъ въ сутки. Тамъ его зачислили въ пятый **Оренбургскій** линейный батальонъ во вторую роту, занимавшую гарнизонъ въ **Орскомъ** укрѣпленіи. Къ этому времени и относится первоначальное знакомство съ **Шевченкомъ** покойнаго **Θедора Матвѣевича**, который съ 1846 года служилъ въ **Оренбургской** пограничной комиссіи, а старшій братъ его, **Мих. М—чъ**, впоследствии задушевный другъ и душеприкащикъ поэта, находился въ **Троицкѣ**, въ 200 верстахъ отъ **Оренбурга** въ должности попечителя прилинейныхъ киргизовъ. Эти два брата — земляки, на сколько отъ нихъ зависѣло, и облегчили горькую участь нашего изгнанника: свѣтъ не безъ добрыхъ людей.

Написанныя **Θедоромъ Матвѣевичемъ** воспоминанія о его знакомствѣ съ **Шевченкомъ** (для предполагавшагося второго изданія моей книги о **Шевченкѣ**) помѣщаемъ здѣсь ¹⁾.

М. Чалый.

¹⁾ **Θ. М. Лазаревскій** умеръ въ 1890 г. въ **Гадяцкомъ уѣздѣ**, **Полтавской г.** въ своемъ имѣніи, хуторѣ **Побыванкѣ**.

9 іюня 1847 года сидѣлъ я въ своей Пограничной комиссії и усердно занимался текущими дѣлами. Вдругъ, около двухъ часовъ пополудни, въ комнату вбѣгаетъ, запыхавшись, писецъ Галевинскій и говорить: „ночью жандармы Шевченка привезли; я слышалъ отъ офицера, которому его сдали, и онъ находится теперъ въ пересылочной казармѣ“.

Не давая себѣ отчета, я побѣжалъ въ казармы и съ трудомъ отыскалъ тамъ новопривезеннаго арестанта. Лежалъ онъ ничкомъ на нарахъ, углубившись въ чтеніе библіи. До этого времени я никогда не видалъ Шевченка, а зналъ только его „Кобзаря“ и „Гайдамакъ“. Забывая о присутствовавшихъ соглядатаяхъ, въ юношескомъ увлеченіи я бросился къ нему на шею. Неохотно поднявшись съ наръ, Тарасъ Григорьевичъ заговорилъ со мной недовѣрчиво, отвѣчая отрывисто на мои вопросы. Понятно, могъ ли онъ сразу довѣриться человѣку, явившемуся къ нему, ни съ того, ни съ сего, въ первые часы его прибытія на мѣсто ссылки? Между прочимъ, я спросилъ его: не могу ли я быть чѣмъ нибудь ему полезенъ? Онъ сдержанно отвѣтилъ: „я не нуждаюсь въ чужой помощи—самъ себѣ буду помогать. Я получилъ уже приглашеніе отъ завѣдывающаго пересылочной тюрьмой учить его дѣтей“.

Просидѣвъ у него съ полчаса, я прямо изъ казармъ отправился къ своему начальнику, генералу Ладыжинскому, къ которому до того являлся только по дѣламъ службы, и то, если не со страхомъ, то застѣнчиво и робко.

— В. п-во! Шевченка привезли! выпалилъ я генералу: я сейчасъ былъ у него, нельзя ли помочь ему?

Генераль удивленно посмотрѣлъ на меня и улыбнулся. Надобно замѣтить, что Ладыжинскій былъ начальникъ гуманный не по тогдашнему времени. Очевидно, онъ понялъ порывъ молодого увлеченія и деликатно-снисходительно охладилъ меня, замѣтивъ официальнымъ тономъ, что Шевченко, вѣроятно, заслужилъ свою участь, что въ такомъ дѣлѣ слѣдуетъ быть осторожнымъ и сочувствіе свое припрятать и что онъ наконецъ удивляется смѣлости такого къ нему обращенія со стороны подчиненнаго. Отъ генерала вышелъ я съ поникшей головой и побрелъ въ свою комиссію, но съ неизмѣннымъ желаніемъ, во чтобы то ни стало, помочь несчастному. Посовѣтовавшись съ товарищемъ

своимъ по службѣ и по черниговской гимназіи Сергѣемъ Левицкимъ ¹⁾, мы сообща порѣшили дѣйствовать чрезъ чиновника особыхъ порученій при генераль-губернаторѣ подполковника Матвѣева. Сынъ простаго уральскаго козака, изъ писарей достигшій довольно высокаго положенія въ краѣ, но оставшійся такимъ же простымъ сердечнымъ козакомъ, чуждый важности и напускнаго величія, Матвѣевъ всегда готовъ былъ помочь ближнему въ нуждѣ. При Обручевѣ онъ былъ великая сила въ Оренбургскомъ краѣ, и мы съ Левицкимъ не ошиблись въ своемъ выборѣ. Выслушавъ насъ внимательно, Матвѣевъ, повидимому, былъ тронутъ. Правда, ничего не обѣщаль, но мы вышли отъ него съ облегченнымъ сердцемъ, увѣренные въ томъ, что онъ будетъ работать въ пользу обездоленнаго Кобзаря.

Черезъ два дня Шевченко пришелъ къ намъ на квартиру. Я встрѣтилъ его, какъ брата, какъ самаго близкаго человѣка. Со мной жилъ тогда Левицкій, ѳи Тарасъ Гр—чъ съ обоими нами былъ сердечно простъ, и мы сразу стали друзьями. Говорили много и оживленно. Между прочимъ, онъ сообщилъ намъ, что былъ у Матвѣева, по его приглашенію, и что онъ очень расположилъ его къ себѣ. Гость остался у насъ ночевать. Снявъ съ кровати тюфяки, мы разложили ихъ на полу и всѣ втроемъ улеглись на полу вповалку. Шевченко прочелъ намъ наизусть свою поэмѣ „Кавказъ“, „Сонъ“ и др., прочѣлъ нѣсколько любимыхъ своихъ пѣсень: неизмѣнную „Зироньку“, „Тяжко важко въ свѣти жити“; но съ особеннымъ чувствомъ была исполнена имъ пѣсня:

Забілили снаги,
 Заболіло тіло
 Щей головонька,
 Нихто не заплаче
 По билому тілу
 По бурлацькому... и проч.

¹⁾ Сережа Левицкій—сынъ б. директора черниговской гимназіи, въ 30-хъ год. учился со мной въ новгородсѣверск. повѣтовомъ училищѣ и потомъ, по окончаніи черниг. гимназіи, въ университет. Св. Владиміра. М. Ч.

Мы всё пѣли. Левицкій обладалъ замѣчательно пріятнымъ теноромъ и пѣлъ съ большимъ чувствомъ¹⁾. Были минуты, когда слезы сами собою катились изъ глазъ, а гость нашъ просто рыдалъ..

Лѣтняя ночь такимъ образомъ пролетѣла незамѣтно. Мы не спали вовсе. Рано утромъ Т. Гр—чъ простился съ нами, объявивъ, что получилъ уже назначеніе въ Орскую крѣпость, куда онъ на дняхъ долженъ отправиться.

Орская крѣпость—Яманъ-Кала (дрянь-городъ, какъ называютъ ее киргизы) лежитъ въ стеной сторонѣ р. Яика въ двухъ верстахъ отъ р. Ори, на ю.-востокѣ отъ Оренбурга, въ 250 верстахъ отъ него.

Разставшись съ Шевченкомъ, я постоянно о немъ заботился, просилъ за него каждаго, кто только вѣхалъ въ Орскъ и кто хоть чѣмъ нибудь могъ быть ему полезенъ. Часто писалъ туда своему доброму знакомому, попечителю прилинейныхъ киргизовъ, М. С. Александрійскому. Не смотря на свои 40 л., это былъ лучший представитель молодого поколѣнія сороковыхъ годовъ. Докторъ по профессіи, М. С. бросивъ медицину, перешелъ на службу въ пограничную комиссію; всегда спокойный и сдержанный, онъ былъ любимъ и уважаемъ всѣми обитателями Орскаго укрѣпленія. Женатый на дочери богатаго кунца, Александрійскій всегда жилъ открыто, и нашъ Кобзарь былъ пріятедь у него въ домѣ не какъ солдатъ, а какъ самый близкій знакомый, наравнѣ съ другими гостями. Тамъ онъ, безъ сомнѣнія, встрѣчался и съ батальоннымъ, и съ другими гарнизонными офицерами, какъ гость хозяина, а не какъ рядовой, 191 № по списку.

Вообще говоря, въ матеріальномъ отношеніи Ш—ку въ Орской крѣпости жилось недурно: надъ нимъ неуспѣшно бодрствовалъ добрый геній въ лицѣ Матвѣева. Ему помогали день-

¹⁾ Не ссылаясь на К. И. Герна (см. ниже письмо его къ М. М. Лазаренскому) Левицкій, часто посѣщая Тараса, когда тотъ жилъ у него, пѣвалъ съ нимъ въ два голоса „я и не слыхалъ ничего воскритительнѣ этого пѣнія“, прибавляетъ К. И.

гами петербургскіе земляки, перѣдко дѣлясь съ нимъ своимъ мизернымъ жалованьемъ. Пріѣзжавшій въ Оренбургъ старшій изъ моихъ братьевъ Василій преподнесъ Тарасу два ящика сигаръ и 50 руб. денегъ. Были присылаемы субсидіи на мое имя и отъ другихъ лицъ, напр. отъ Ковотопца, В. О. Езучевскаго, Семена Артемовскаго (пѣвца),—и я отправлялъ ихъ для передачи брату Михаилу въ Троицкѣ.

Затѣмъ братъ Михаилъ, перейдя на службу въ Петербургъ, присылалъ деньги непосредственно самому Тарасу и довольно крупные куши ¹⁾.

Въ нѣкоторыхъ провинціальныхъ кружкахъ долго и упорно продолжали циркулировать нелѣпые рассказы о томъ, будто-бы, III—ко въ Орской крѣпости испилъ горькую чашу солдатскаго житія. Будто бы онъ изобразилъ себя стоящимъ подъ палками, съ руками, вскинутыми на голову, съ надписью: «отъ якъ бачите!» А Н. М. Бѣлозерскій въ „Кіевской Старинѣ“ увѣряетъ, якобы онъ видѣлъ у Лизогуба портретъ III—ка, съ подписью „оттакъ тобі!“. Стоять Тарасъ въ мундирѣ, а унтеръ колотитъ его тесакомъ... „Вѣроятно, замѣчаетъ глубокомысленно авторъ этой нелѣпой выдумки, рисунокъ и надпись были стерты при прохожденіи черезъ цензуру крѣпостного начальства“. Трудно объяснить происхожденіе этой небллицы.

Подобный же нелѣпый рассказъ случилось слышать мнѣ отъ какого-то господина, вовсе мнѣ незнакомаго, который повѣствовалъ, что когда онъ служилъ въ Оренбургскомъ батальонѣ вмѣстѣ съ Шевченкомъ, то однажды онъ пришелъ къ нему избитый тесакомъ, въ слезахъ попросилъ бумажку и тутъ же нарисовалъ себя стоящимъ подъ палками и написалъ: «отъ якъ бачите!»

Терпѣливо выслушавъ рассказъ, я спросилъ рассказчика: „а въ какомъ году это было?—Въ 1851-мъ.“—А какъ фамилія командира того батальона, въ которомъ вы изволили служить? И онъ назвалъ какую то вымышленную фамилію. Тогда я публично назвалъ его лгуномъ, и онъ не посмѣлъ даже оправдываться.

¹⁾ Тарасъ Гр. часто воспоминалъ генерала Кузаренка, особенно щедро надѣлявшаго его субсидіями: „и въ вичи не бачить сіюго доброго чоловника, а спасибі ему, дуже помогавъ мені“.

Могу увѣрить всѣхъ, кому дорога истина, что Т. Г—чь съ благодарностью вспоминалъ всегда о своихъ вачальникахъ въ Орской крѣпости; что ни о какихъ палкахъ и фухтеляхъ не-было тамъ и помину; что нивакого цензора для его писемъ и рисунковъ тамъ не существовало, и если де юге и считалась какая нибудь цензура, то у него было довольно благопріятелей, при содѣйствіи которыхъ письма, его могли всегда избѣгать ее. Александрійскій, по тогдашнему моему служебному положенію и по довѣрію, какимъ я пользовался у генерала Ладыжинскаго, съ великою готовностью исполнялъ всѣ мои просьбы; но и помимо моего вліянія, онъ очень любилъ Тараса. Кромѣ того, отъ всяческихъ взысканій и строгостей батальоннаго начальства нашего Кобзаря хранило доброе расположеніе браваго козака Матвѣева, который при каждой встрѣчѣ со мной обыкновенно обращался ко мнѣ съ вопросомъ: „а вашъ Шевченко? Пожалуйста, прибавлялъ онъ, понизивъ голосъ, если что не такъ, заходите ко мнѣ и скажите“.

Повторяю: совмѣстимы ли при такомъ положеніи Шевченка палки и тесакъ унтера?

Въ началѣ 1848 года Т. Г—чь съ ротой былъ отправленъ въ Уральское укрѣпленіе, а оттуда, въ числѣ другихъ нижнихъ чиновъ 5-го лифейнаго батальона, командированъ, для прикрытія отъ нападенія кочующихъ киргизовъ транспорта, слѣдовавшаго подъ начальствомъ генерала Штейнберга въ Рамское укрѣпленіе, на берега Сыръ-Дарьи. Затѣмъ, какъ извѣстно, Ш—ко безвѣстно пропалъ въ опасной аральской экспедиціи А. И. Бутакова. Во все это время ни я, ни кто другой изъ близкихъ ему лицъ не получали отъ него ни строчки. Незвѣстный другъ поэта, княжна Репнина, встревоженная долгимъ его молчаніемъ, вначалѣ сентября 1848 года обратилась ко мнѣ съ слѣдующимъ письмомъ:

„Милостивый государь Ѳ. М—чь.

Болѣе года, какъ я совершенно безъ извѣстій о Т. Григ. Шевченкѣ, который находится подъ вашимъ начальствомъ, (?) именемъ всего вамъ дорогаго прошу васъ увѣдомить меня, гдѣ

находится Ш—ко и что съ нимъ? Вы меня очень обяжете. Готовая къ услугамъ В. Репнина“.

На это письмо я предоставилъ отвѣтить самому Тарасу, по возвращеніи его въ Оренбургъ.

Экспедиція Бутакова окончилась осенью 1849 г. Для приведенія въ порядокъ собранныхъ матеріаловъ ему понадобились въ Оренбургѣ Вернеръ и Шевченко; послѣдній—для окончательной отдѣлки живописныхъ видовъ, чего на морѣ сдѣлать было нельзя, а равно и для перенесенія на карту видовъ гидрографическихъ, вслѣдствіе чего Бутаковъ вошелъ съ представленіемъ къ Обручеву объ откомандированіи Вернера и Шевченка въ Оренбургъ. Узнавши же, что во второмъ батальонѣ есть искусный рисовальщикъ, смышленый Брониславъ Залѣскій, Бутаковъ просилъ командировать и его въ помощь Шевченку. Такимъ образомъ нашъ Кобзарь, вмѣсто Орской крѣпости, попалъ въ Оренбургъ и поселился въ квартирѣ моей, близъ костела, а потомъ въ предмѣстьи Оренбурга въ домѣ К. И. Герна, хотя собственно говоря, нашъ Тарасъ, имѣя много знакомыхъ, проводилъ гдѣ день, гдѣ ночь.

Во весь 1849 г., я, по дѣламъ службы, подолгу оставался въ киргизскихъ степяхъ. Вернувшись однажды изъ командировки глубокой осенью, я засталъ въ своей квартирѣ Шевченка и моряка Поспѣлова, съ которымъ поэтъ болѣе года провелъ въ аральской экспедиціи. Тарасъ, Поспѣловъ, Левицкій и я зажили, что называется, душа въ душу: ни у одного изъ насъ не было своего, все было общее; а съ Тарасомъ у насъ даже одежда была общая, такъ какъ въ это время онъ почти никогда не носилъ солдатской шинели. Лѣтомъ онъ ходилъ въ парусиновой парѣ, а зимой въ черномъ сюртукѣ и драповомъ пальто. Иногда заходилъ къ намъ и Бутаковъ, чаще же другихъ гостилъ К. И. ГERNЪ. Матвѣевъ также не чуждался нашего общества. Вечера наши проходили незамѣтно. Пили чай, ужинали, пѣли пѣсни. Тарасъ съ морякомъ Поспѣловымъ иногда прохаживались по чарочкамъ. Изрѣдка устраивались вечера съ дамами, при чемъ неизмѣнной

подругой Тарасовой была татарка Забаржада, замѣчательной красоты. А. И. Бутакову очень понравились наши вечера, но, стѣсняясь своего подчиненнаго Поспѣлова, онъ у насъ не засиживался. Однажды Алексѣй Иваповичъ просилъ Тараса устроить въ его квартирѣ подобный нашему вечеръ, только безъ Поспѣлова. Былъ назначенъ день, но какъ на зло, въ этотъ именно день Бутаковъ былъ приглашенъ на вечеръ къ Обручеву. Тѣмъ не менѣе мы собрались у него и ожидали его къ ужину. Къ тремъ часамъ вернулся хозяинъ. Тарасъ собственноручно зажарилъ превосходный бифштексъ и мы пропировали до свѣту.

Въ концѣ декабря того же 1849 года я долженъ былъ отправиться за 500 верстъ въ Гурьевъ городокъ и пробылъ тамъ до весны 1850 года. Вернувшись въ мартѣ, я засталъ въ городѣ только одного Тараса. Левицкій переведенъ на службу въ Петербургъ, Бутаковъ съ Поспѣловымъ выѣхали въ степь. Въ мое отсутствіе Ш—ко сблизился съ поляками, которыхъ въ николаевское царствованіе въ Оренбургѣ была цѣлая колонія. Они очень ухаживали за Тарасомъ, что подѣ часъ сильно тяготило его, хотя по наружности онъ съ ними былъ на дружеской ногѣ. Бывало не вижу его два-три дня; спрашиваю: гдѣ ты пропадалъ такъ долго?—„Та оци проклятуци ляхи заманылы мене до себе, тай не выпускалы“, отвѣчалъ онъ съ неудовольствіемъ.

Ближе всѣхъ, повидимому, онъ стоялъ къ Залѣскому, Сѣраковскому, Станевичу, Турно, Зеленкѣ и Аркадію Венгржиновскому. Послѣдній изъ нихъ служилъ въ Пограничной комисси; человекъ необыкновенно дюркій и пропырливый, онъ первымъ узнавалъ о прибытіи новыхъ ссыльныхъ поляковъ и тотчасъ вводилъ ихъ въ свой кружокъ. Михаилъ Зеленко, доминиканскій монахъ, бывший въ 30-хъ годахъ префектомъ гимназій въ Литвѣ, сосланъ въ Оренбургъ въ 1834 году и сдѣлался тамъ капелланомъ Оренбургскаго кадетскаго корпуса. Поляки не переставали величать его префектомъ (ojciec prefekt). Эти то два воротилы, Венгржиновскій и Зеленко, составляли центръ польскаго населенія въ краѣ. Лучшими изъ ссыльныхъ поляковъ

были сосланные въ 30-хъ годахъ. Было нѣсколько и такихъ, которые были назначаемы на службу въ Оренбургскій край отъ правительства, съ обязательствомъ отслужить известное число лѣтъ. Ссылные поляки составляли образованную часть губернскаго общества, конечно, не чисто аристократическаго, а того средняго кружка, въ которомъ вращалось чиновничество невысокаго ранга.

Одна изъ сестеръ полковника Герна была замужемъ за паномъ Киршей, служившимъ въ провіантской комиссіи. Въ домѣ Киршей всегдашними гостями были: Сѣраковскій, Залѣскій, Турно и др. Тамъ же довольно часто бывалъ и Ш—ко, окуриваемый онііамомъ лести и ухаживаній.

Разъ приходитъ ко мнѣ Тарась и предлагаетъ свой портретъ.

— Возьми ты у мене, Христа ради, оцей портретъ, хотилось бы, щобъ винъ zostався у добрыхъ рукахъ, а то поганци ляхи выманять ёго у мене. Усе пристають, щобъ я имъ отдавъ.

— Де жъ ты, пытаюсь, малювавъ ёго?

— Та у ихъ же й малювавъ.

Портретъ, по желанію поляковъ, долженствовалъ изобразить Ш—ка сидящимъ въ казематѣ Орской крѣпости за рѣшеткой; но такой обстановки на рисунокъ не оказалось. На предложеніе же Тараса взять портретъ въ свою собственность, я сказалъ:

— Портретъ твой, мій голубе, для меня большая драгоценность, а за то, что возьму его, я обязанъ одарить тебя чѣмънибудь цѣннымъ, чего у меня теперь не имѣется.

Тарась насмѣшливо посмотрѣлъ на меня и промолвилъ:

— Бачишь, чоботы у мене износьмысь: возьми и дай мени чоботы.

Устыдившись своей щепетильности, я взялъ портретъ 1).

¹⁾ Портретъ этотъ, нарисованный тушью, былъ подаренъ мнѣ покойнымъ О. М—мъ для приложенія ко 2-му (несостоявшемуся) изданію моей книги („Жизнь и прощавленія Т. Шевченка“), но потомъ имъ отобранъ у меня и теперь неизвестно, гдѣ находится; а я не успѣлъ даже копію снять. М. Ч.

Въ послѣдній свой прїѣздъ изъ степи, я засталъ Шевченка тамъ-же на слободкѣ во флигелѣ дома К. И. Герна; но по возвращеніи моемъ, онъ началъ по прежнему проживать чаще въ моей квартирѣ, оставляя свой скарбъ у Герна.

Вообще говоря, въ короткій періодъ своего житья-бытья въ Оренбургѣ, Т. Г.—чѣ былъ обставленъ превосходно. Образъ жизни его ничѣмъ не отличался отъ жизни всякаго свободного человѣка. Онъ только числился солдатомъ, не неся никакихъ обязанностей службы. Его, что называется, носили на рукахъ. У него была масса знакомыхъ, дорожившихъ его обществомъ, не только въ среднихъ классахъ, но и въ высшихъ сферахъ оренбургскаго населенія: онъ бывалъ въ домѣ генераль-губернатора, рисовалъ портретъ его жены и другихъ высокопоставленныхъ лицъ. Въ это время, вслѣдствіе частыхъ командировокъ въ степь, я страшно страдалъ ревматизмомъ. Пришелъ однажды ко мнѣ Тарасъ и сталъ тянуть меня къ доктору Майделю на вечеръ.

— Ходимъ, винъ тобі скаже, що треба робить.

— Христось съ тобой, говорю ему: какъ я пойду безъ приглашенія къ такому важному тузу?

— Але ходимъ, я вже знаю, що роблю.

Я и пошелъ. Надобно знать, что тайный совѣтникъ баронъ Майдель былъ породистый аристократъ и вращался въ самыхъ высшихъ сферахъ губернской знати; но я воочію убѣдился, что мой Тарасъ и тамъ былъ свой человѣкъ. И никакой угловатости, никакого диссонанса съ окружающими его гостями я не замѣтилъ. Держалъ онъ себя съ достоинствомъ и даже съ нѣкоторой важностью. Мнѣ за него, какъ за любимое существо, было очень пріятно. Онъ никому не навязывался, не вмѣшивался ни въ какой разговоръ; всѣ обращались къ нему и онъ всякому отвѣчалъ сдержанно, съ едва замѣтнымъ отгнѣнкомъ ироніи и съ чувствомъ собственного достоинства.

Меня приводятъ въ негодованіе рассказы о безобразіяхъ Шевченка въ нетрезвомъ видѣ. Я былъ знакомъ съ нимъ въ лучшіе годы его жизни, когда онъ отличался здоровьемъ и силой, но я ни разу не видалъ его въ пьяномъ видѣ до безобра-

зіл. Выпивалъ онъ, правда иногда довольно, но каждая лишняя чарка дѣлала его только болѣе развязнымъ и воодушевленнымъ, сообщала болѣе задушевности и невообразимой симпатичности. Душа его всегда знала мѣру. Четверостишіе, написанное имъ гдѣ-то углемъ на стѣнѣ питейнаго заведенія, вполне характеризуетъ подобное состояніе:

Выпьешь першу—стрепенешся,
 Выпьешь другу—схаменешся,
 Выпьешь третю—въ очахъ сая,
 Думка думку погоняе. *)

Въ 1849 году прибылъ въ Оренбургъ на службу только что выпущенный изъ какого-то кадетскаго корпуса смазливенькій прапорщикъ Исаевъ. Не прошло и полгода, какъ по городу стали ходить слухи о томъ, что сей юный Адонисъ приглянулся сунругъ Н. Н. Слухи эти приводили Тараса въ изступленіе.

— Докажу жъ я этой в...! не дамъ я ей безнаказанно позорить честное имя почтеннаго человѣка, кипятился онъ, заходя во мѣ.

— Не твое, говорю, дѣло мѣшаться въ семейныя дразги. Помни, Тарасе, что ты солдатъ, а Исаевъ хотя и плюгавенькій,

*) Высказанное здѣсь мнѣніе почтеннаго О. М-ча о Шевченкѣ нельзя назвать пристрастнымъ. Такого человѣка, какъ нашъ Кобзарь, не слѣдуетъ ставить на одну доску съ заурядными „мочемордажа“: тѣ, когда пьютъ—они просто пьянствуютъ; поэты же и художники часто черпаютъ въ вѣнѣ вдохновеніе. Кто не въ состояніи понять различія между художникомъ и не художникомъ, тотъ будетъ видѣть въ Шевченкѣ не вдохновеннаго поэта, а только пьянаго человѣка.

Сопоставляя приведенный выше рассказъ О. М-ча о счастливыхъ мѣсяцахъ смышленой жизни поэта съ нѣкоторыми изъ его писемъ изъ того же времени, — невольно приходишь къ заключенію, что проявлявшаяся въ немъ мимолетная веселость была только наружная, что предаваясь иногда развлечениямъ, онъ старался только выдѣться отъ неустanno угнетающей душу его тоски, что сравнительно привольная жизнь нѣсколькихъ мѣсяцевъ не могла удовлетворить пожарившей его внутренней жажды свободы.

„Ничтожны матеріальныя блага въ сравненіи съ духовными... Какъ грустно стою я между людьми!... Не видать мнѣ веселыхъ дней, на моей милой родинѣ!.. Ужасна безнадежность!..“

Вотъ что онъ думалъ, оставаясь на единѣ съ самимъ собой, чего желалъ, къ чему стремился.

М. Ч.

да офицеръ, и если черезъ тебя что нибудь откроется, то ты думаешь—N. N. подякуе тобі? Есть вещи, про которыя лучше не звать.

Но Тарасъ мой не унимался. Онъ началъ слѣдить за женой N. N. и каждый вечеръ приносилъ мнѣ все новыя извѣстія о своихъ наблюденіяхъ и открытіяхъ. Въ пятницу на страстной недѣлѣ онъ прибѣжалъ ко мнѣ съ торжествующей фізіономіей.

— Накрывь! доказавъ! N. N. со двора, а онъ въ форточку, а я слѣдомъ за N. N., вернувъ его до дому да прямо въ спальню...

— Дурень же ты, дурень, Тарасе! Наробивъ ты соби лыха. Знай же, що се тобі не минетьця даромъ: маленькая душонка Исаева отдасть тобі!..

Къ несчастію, слова мои оказались пророческими. Но все таки я не предполагалъ найти въ молодомъ человѣкѣ столько мерзости, сколько ея въ немъ оказалось. Я недопускалъ болѣе того, чѣмъ офицеръ можетъ выместить свои обиды на низшемъ чинѣ—рядовомъ Шевченкѣ. Но я сильно ошибся.

На слѣдующій день, въ страстную субботу, Тарасъ былъ дома, а я получилъ официальное приглашеніе пожаловать къ генераль-губернатору въ такомъ-то часу разговѣться. Спрашиваю Тараса, какъ тутъ быть?

— Ты соби якъ знаешь, а я поїду въ гости.

Въ сумерки ко мнѣ пріѣхалъ Гернь, страшно озабоченный, взволнованный.

— Гдѣ Тарасъ? спрашиваетъ меня торопливо.

— Поѣхалъ, говорю, въ гости.

— Ради Бога, поскорѣй зовите его въ квартиру. Ждите тамъ все, что сколько-нибудь можетъ повредить ему: на него Обручеву поданъ доносъ. Уже сдѣлано распоряженіе произвести въ его квартирѣ обыскъ.

Я бросился къ знакомымъ, забралъ Тараса и помчался съ нимъ на Слободку. Онъ былъ совершенно покоенъ и даже подшучивалъ надъ собой. Пріѣхали. Вывалилъ онъ мнѣ цѣлый

ворохъ бумагъ и нѣсколько портретовъ: начатый портретъ жены Герна и его самого.

— Ну, щожь тутъ палить?—обратился онъ ко мнѣ. Я, хотя и зналъ содержаніе чуть-ли не всѣхъ писемъ къ нему, но сталъ ихъ пересматривать. Всѣ они, по моему миѣнію, были самага невиннаго свойства.

— И я тебе пытаю, отвѣчалъ я вопросомъ на его вопро съ що палить?

— Палы уси письма кн. Репниной.

И всѣ драгоценныя для Тараса посланія Варвары Николаевны, конечно, самыя невинныя, брошены въ каминъ. Туда же полетѣли и еще нѣкоторыя бумаги, по выбору самага Тараса.

Пытливо прочелъ я письма брата Василя, свои письма, письма Левицкаго, Александрійскаго и др., но ровно ничего, по моему, въ нихъ не было педозволеннаго, а тѣмъ болѣе преступнаго, но Тарасъ командовалъ: „палы!“.

— Но послухай-же, мій голубе: якъ мы все спалымъ, то догадаютьця, що насъ предупредили объ обыскѣ, да и стануть искать виноватога. А не будетъ-ли въ такомъ разѣ въ отвѣтѣ Карлъ Ивановичъ?

— И то правда, согласился Тарасъ: буде! Пойдемъ до тебе, та ще тамъ що небудь спалымъ.

Когда мы вѣзжали въ городъ, то въ Сакмарскихъ воротахъ повстрѣчали плацъ-адъютанта Мартынова, полицій-мейстера и еще какого-то военнаго. Мы догадались, что они ѣдутъ въ Слободку. Не смыкаячи очей провели мы эту ночь, но обыска у меня не было. Рано утромъ, прямо отъ Обручева, пріѣхалъ къ намъ послѣ рѳзговинъ Александрійскій и разсказалъ все, что тамъ происходило,

— На меня, говорилъ онъ, внезапно накинулся Обручевъ: „а-а, такъ мы отвѣчаемъ пушками на вопли порабощеннаго народа о свободѣ! (Цитата изъ письма Александрійскаго къ Ш—ку о бунтѣ киргизовъ въ 1848 г.). На обахту! на бѣлое, черное, синее море (поговорка Обручева). А Лазаревскій здѣсь? а-а, въ перепискѣ съ преступникомъ: „милый, любый мій, а? На обахту! (Здѣсь Обручевъ смѣшалъ меня съ братомъ Василюмъ).

Въ то же время всѣхъ присутствовавшихъ поразило необыкновенное вниманіе Обручева къ прапорщику Исаеву. Нѣсколько разъ подходилъ онъ къ нему, бралъ подъ руку, подводилъ къ столу, любезно припращивалъ „разговляйтесь, любезнѣйшій, разговляйтесь“. Тогда всѣмъ стало ясно, кто былъ этотъ любезнѣйшій предатель.

Значить, еще до разсвѣта часть взятыхъ при обыскѣ бумагъ уже успѣли разобрать и доложить генераль-губернатору за одно съ радостнымъ благовѣстіемъ о воскресеніи распятаго за насъ Спасителя!...

Въ тотъ же день ко мнѣ заѣзжали и другіе знакомые и передавали, что Обручевъ высказывался передъ своими приближенными объ Исаевѣ въ такихъ выраженіяхъ:

„Мерзавецъ! подлець! но.. что будешь дѣлать? Я увѣренъ, что этотъ негодий и на меня послалъ доносъ. А въ Петербургѣ я никого не имѣю за плечами; я, какъ Шевченко, человекъ маленький“...

Обручевъ не ошибся: на него полетѣлъ другой доносъ шефу жандармовъ. Въ тотъ же день Шевченка потребовали въ ординаръ-гаусъ и посадили на обахту впредь до особаго распоряженія; а 12-го мая отправили въ Орскую крѣпость этапнымъ порядкомъ, съ строжайшимъ предписаніемъ командиру 5 батальона слѣдить за нимъ. Вскорѣ послѣ высылки Шевченка уволенъ былъ и самъ Обручевъ...

Къ счастью для бѣднаго Тараса, въ Петербургѣ не признали нужнымъ входить въ глубь вещей и свели все обвиненіе къ тому, что онъ нарушилъ высочайшее запрещеніе писать и рисовать и ходилъ иногда въ партикулярномъ платьѣ. Просидѣвъ въ Орскомъ казематѣ болѣе мѣсяца, по приговору военнаго суда Шевченко былъ отправленъ въ Новопетровское укрѣпленіе и зачисленъ тамъ рядовымъ въ 1-й уральскій батальонъ въ 4-ю роту.

Лѣсъ рубятъ—щепки летятъ, говоритъ пословица. На сей разъ щепки полетѣли очень далеко. По поводу злосчастнаго письма Сергѣя Левицкаго, въ квартирѣ Головка и самого Ле-

вицкаго произведенъ былъ обыскъ, окончившійся, для Голлова весьма трагически ¹⁾. Вслѣдъ за симъ арестованъ былъ и Левицкій. Повезъ его жандармъ черезъ Синій мостъ въ крѣпость. Бѣднягой Сергѣемъ овладѣлъ такой страхъ, такое непреодолимое желаніе извести себя, что, перебѣгая мостъ, онъ выпрыгнулъ изъ пролетки и бросился въ воду. Но его вытащили. 12 дней просидѣлъ онъ въ крѣпости и хотя арестъ не повлекъ за собой никакихъ послѣдствій для его службы, но сильно повліялъ на его здоровье: этотъ 28-лѣтній юноша, крѣпкаго сложенія, вдругъ захирѣлъ, осунулся, и хотя начальство отнеслось къ нему участливо, переведши его, для поправленія здоровья, на службу въ Скуляны, но черезъ два года онъ отдалъ Богу душу.

Оканчивая эту печальную исторію, не могу не помянуть добрымъ словомъ генераль-губернатора Обручева. Мы знаемъ, что Обручевъ за данное имъ, по просьбѣ А. И. Бутакова, разрѣшеніе Ш—ку участвовать своею животворною кистію въ опасной Аральской экспедиціи, получилъ изъ Петербурга строгое замѣчаніе и не смотря на то, не только не принялъ противъ него никакихъ стѣснительныхъ мѣръ, но напротивъ, по возвращеніи поэта изъ экспедиціи, дозволилъ ему остаться въ Оренбургѣ, вдали отъ 5 батальона и тяготы солдатской службы, принималъ его у себя въ домѣ не какъ рядового, а какъ талантливаго художника, заказавъ ему написать портретъ своей супруги. Не то было послѣ доноса Исаева..

Обручевъ много потрудился на пользу Оренбургскаго края. Главной его заботой было водвореніе между кочующими киргизами осѣдлости. Между кочевниками онъ ввелъ обязательную заважку. Проѣзжая степью, онъ, говорятъ, самъ, въ присутствіи киргизовъ, подмазывалъ телѣгу и заставлялъ ихъ продѣлывать то же самое. Онъ былъ большой экономъ и ревностно оберегалъ казенные интересы, сдерживая хищничество интендантовъ и инженеровъ.

¹⁾ См. Кіев. Ст. 1898 г., мартъ, 429.

Разставшись съ Тарасомъ въ памятный мнѣ первый день Пасхи 1850 года, я не видалъ его до 1857 года, когда я встрѣтился съ нимъ у брата Михаила Матвѣевича въ Петербургѣ, гдѣ я въ этомъ году получилъ мѣсто чиновника особыхъ порученій при предсѣдателѣ департамента удѣловъ М. Н. Муравьевѣ. Встрѣтились мы, какъ братья, безъ возгласовъ и восклицаній, но съ глубокимъ чувствомъ благодарности къ Всевышнему и съ увѣренностью въ томъ, что мы остались такъ-же близки другъ другу. 20 марта 1857 года я уѣзжалъ въ командировку въ губерніи: Вятскую, Черниговскую, Орловскую, Московскую, а въ 1859 году назначенъ управляющимъ Орловскою удѣльною конторой. Ш—ко, прощаясь со мной, сказалъ: *любите крестьянъ*. 23 года я занималъ должность управляющаго удѣльною конторой и въ ушахъ моихъ при всякомъ дѣлѣ съ крестьянами постоянно звучали эти знаменательныя два слова: при надѣлѣ ихъ землю я составилъ около 200 уставныхъ грамотъ... и надѣюсь, съ успѣхомъ выполнилъ заповѣдь народолюбца Тараса!...

Хотя по дѣламъ службы, живя въ Орлѣ, я часто бывалъ въ Петербургѣ и въ каждый свой пріѣздъ видѣлся съ Ш—комъ, но о столичной его жизни предоставляю рассказать другимъ. Помню только, что мои знакомые, зная добрыя отношенія ко мнѣ Тараса, просили меня доставить имъ случай познакомиться съ нимъ. Такъ, по просьбѣ Н. Н. Тютчева (члена совѣта департамента удѣловъ) я однажды вечеромъ пришелъ къ нему съ М. С. Щепкинымъ и съ Тарасомъ, который прочелъ нѣсколько своихъ стихотвореній и когда началъ читать „Сонъ“:

„На панцини ишеницю жала“, и пр.
всѣ прослезились, а М. С.—чь просто рыдалъ ¹⁾.

¹⁾ Щепкинъ подъ старость былъ очень слабъ нервами: читая или выслушивая чтонибудь доброе, хорошее, онъ заливался слезами. О такой чувствительности комика, между прочимъ, свидѣтельствуетъ четверостишіе водевиллиста Денскаго: когда его пригласили участвовать въ подпискѣ на юбилей М. С.—ча, то онъ сказалъ такой экспромтъ:

Занграеть оркестръ Сакса

И заискритса ан,

И заплачетъ старый плакса

И съ нимъ денежи мои. (Рус. Архивъ 84 г.)

М. Ч.

Въ августѣ 1859 года я нѣсколько дней провелъ съ Тарасомъ у матери въ селѣ Гиравкѣ, въ Конотопскомъ уѣздѣ. Сѣхались мы совершенно случайно. Возвращаясь изъ своей поѣздки на родину, по дорогѣ изъ Кіева въ Петербургъ, онъ заѣхалъ въ Гиравку и къ нашему общему удовольствію засталъ тамъ и меня; объѣзжая свой районъ по удѣльному вѣдомству, я заѣхалъ погостить у матери.

Живя въ Гиравѣѣ, Тарасъ, по обыкновенію, вставалъ очень рано и отпраплялся въ садъ, садился тамъ подъ вербою и оставался въ созерцательномъ состояніи, до чаю. Настроеніе его, вслѣдствіе испытанныхъ имъ на родинѣ неприятностей, было какое-то удрученное.. Впрочемъ это состоянію не помѣшало Тарасу Григорьевичу нарисовать тогда портретъ нашей матери для подарка брату Михаилу ¹⁾.

Изъ Гиравки мы выѣхали вмѣстѣ. Я довезъ его до Сѣвска и повернулъ въ сторону—осматривать свое удѣльное хозяйство, а онъ поѣхалъ дальше одинъ на почтовыхъ.

¹⁾ Портретъ этотъ теперь хранится у Ал. М. Д—аго, вмѣстѣ съ портретомъ М. М—ча Д—аго, нарисованнымъ Т. Г. Ш—комъ въ 1858 г. Ред.